

Эволюция теории мультикультурализма в истории современной социологии

Аннотация

В статье исследуются проблемы становления теории мультикультурализма в истории социологии. Автор выделяет четыре периода, когда происходили важные изменения в понимании теории и практики мультикультурализма. Такие изменения были подготовлены и спровоцированы “идентификационными волнами”, связанными с требованиями разных социальных групп насчет признания их культурных особенностей. В частности, в первый период (70-е годы XX века) — этап подъема этнонационализма — на фоне обновления плюралистической парадигмы был заложен теоретический фундамент мультикультурализма. Вторым периодом эволюции теории мультикультурализма — дискуссии 1980-х годов — этап второй “идентификационной волны”, когда после второго нефтяного кризиса разразился экономический кризис, охвативший преимущественно иммигрантское население. Поэтому социально-политическая полемика велась вокруг вопросов культурного разнообразия и субъектного права этнических общностей. Третий период является ответом на нацистское строительство и “идентификационную волну” 1990-х годов. В теории мультикультурализма утверждаются идеи различий и требования их публичного признания. Наконец, четвертый период связан с процессом экономической, транспортной, информационной и демографической глобализации 2000-х годов. Однако интерес научного сообщества к мультикультурализму существенно снижается и немногочисленные концептуальные исследования ведутся исключительно в русле методологии конструктивизма.

Ключевые слова: мультикультурализм, идентификационные волны, социологическая теория, культурный плюрализм

В центре исследовательского интереса автора статьи — проблемы становления теории мультикультурализма в истории социологии, выделение

основных периодов, когда происходили важные изменения в понимании теории и практики мультикультурализма. Теория мультикультурализма, которая является реакцией на глобализационные процессы и отражением постнеклассических тенденций в современной социологии, формировалась как ответ на вопрос, что будет происходить с национальными культурами в эпоху глобализации. Ведь в противовес тенденции современных обществ к культурному объединению и унификации, мультикультурализм признает и защищает культурное разнообразие.

Мультикультурализм — понятие, сформировавшееся сравнительно недавно в истории теоретической социологии. С одной стороны, его использование связывают с необходимостью обозначения состояния этнокультурного, расового, религиозного многообразия в Канаде в конце 1950-х — в 1960-х годах. Но официально этот термин был закреплен премьер-министром Пьером Трюдо в докладе 8 октября 1971 года, где концепция “мультикультурализм на началах двуязычия” была провозглашена доктриной Канады [Trudeau, 1971]. Согласно данной концепции, правительство Канады взяло на себя обязательство способствовать этническим группам в интеграции в канадское общество, одновременно содействуя усилению их самобытности [Canadian Multiculturalism Act, 1985].

Однако, с другой стороны, в ряде исследований отмечается, что “мультикультурализм” в значительной мере представляет собой лишь риторическое обновление старых проблем — переименование процессов, которые, начиная с 60-х годов XX века осмысливались в терминах “этнического возрождения”. Категория “культура” пришла на место категории “этничность”, предлагая более широкую, менее жесткую и более расплывчатую формулу для определения конфликтогенного характера современного общества. Закрывая глаза на структурные проблемы современных обществ и выдвигая на первый план “культурные” проблемы (или скорее перекодируя структурные проблемы в культурные), адепты мультикультурализма пошли либо путем романтизации и морализации социальной реальности, либо путем характерного для “постмодернизма” отказа от аналитической строгости [Малахов, 2002: с. 49–50].

Укоренившись и развиваясь прежде всего в западных социальных науках — в США, Канаде, Австралии, тема мультикультурализма с начала 1980-х годов привлекает все больший интерес и проникает из североамериканской и австралийской научных традиций в социальные науки Западной и Восточной Европы. Именно в это время, в отличие от послевоенного, когда понятийно-терминологический аппарат этнической социологии разрабатывался достаточно слабо, а ученые вряд ли хотели бы слышать о таких темах, как народ, этнос, этнические меньшинства и межэтнические отношения, утверждая, что время теории этноса еще не пришло, стало понятно, что этничность, этнос, мультикультурализм и другие родственные категории отражают важные социологические феномены, определение сущности которых является главной задачей социальных наук для понимания новейших этносоциальных процессов и явлений [Куропятник, 2005].

История становления и возрастания научной значимости мультикультурализма в европейской научной традиции объясняется также особенностями развития социальных наук. Эти особенности состоят в том, что концепции, теории, научные подходы, создаваемые и используемые для объяснения характера и перспектив динамики социальных, экономических, по-

литических и этнокультурных процессов в одних странах, со временем становятся доминирующим компонентом теоретической рефлексии действительности в других. С помощью таких концепций можно соотнести и адекватно отразить и объяснить явления, процессы, события, возникающие в кризисные периоды истории наиболее развитых национальных обществ, которые при условии типологического сходства, соотнесенности с существенными параметрами социальных явлений и процессов других стран становятся по отношению к последним референтными в контексте потенциальных вариантов их трансформации и перспектив развития. То есть теории, концепции, мировоззрения движутся от континента к континенту. Складывается впечатление, будто весь мир стал одной “глобальной деревней”, где новые идеи могут восприниматься с неслыханными ранее легкостью и скоростью, что приводит к поразительным результатам [Radtke, 1994: p. 176].

О росте популярности мультикультурализма свидетельствуют цифры из базы данных “Нексис” (Nexis), которые приводит в своей работе “Все мы мультикультуралисты” американский социолог Натан Глейзер. В частности, в Соединенных Штатах Америки количество публикаций с конца 1980-х до начала 2000-х годов возросло в сотни раз. Если до 1988 года в основных газетах не было никаких ссылок на мультикультурализм, в 1989-м его упоминали всего 33 раза, а в 1990-м — 100, то в 1991-м — уже 600 раз, в 1992-м — 900, в 1993-м — 1200, в 1994-м — 1500. Позже наблюдается уменьшение количества упоминаний (в 1995-м — 1200), и объясняется это тем, что мультикультурализм (в частности, в американской системе образования) перестал быть горячей темой новостей, став повседневной реальностью [Glazer, 1997: p. 7–8]. На рубеже 1980–1990-х годов понятие “мультикультурализм” постепенно входит в специальные словари по социологии и философии и рассматривается как важная научная категория.

На современном этапе термин “мультикультурализм” понимается довольно широко: его могут использовать для характеристики одного из аспектов социологической реальности — культурной множественности; он может также представлять собой философскую концепцию социального мира; наконец, он обозначает и совокупность политических практик, направленных на управление культурным многообразием. Как видим, термин “мультикультурализм”, по словам американского либерального публициста Ричарда Бернштейна, до сих пор остается “понятием неопределенным” [Bernstein, 1994: p. 4], однако, по мнению российского политолога Эмиля Паина, “его популярность заложена в основном постулате, признающем самоценность культурного разнообразия страны (региона, всего мира) и принципиальную невозможность (недопустимость) ранжирования культур (в том числе этнических) по принципу “низшая — высшая”, “главная — второстепенная” или “господствующая — другие” [Паин, 2004: с. 132].

В социологической традиции в общем понимании мультикультурализм отождествляется с культурным плюрализмом и определяется как одна из самых распространенных партикуляристских концепций, моделей культурной системы, основывающаяся на сосуществовании (в форме конкуренции, противостояния, столкновения, компромисса, баланса) в рамках одного государства относительно закрытых социальных сегментов (дифференциация общества по социальным, религиозным, языковым и другим критериям), культурных общностей (этнических, национальных и т.п.), которые осознают специфичность собственной “картины мира”. Главным призна-

ком мультикультурализма является многообразие духовных сфер жизни, признание многовариантности развития, конкурентных форм, концепций, стилей, направлений. В противовес тенденции современных обществ к культурному объединению мультикультурализм утверждает, а также пытается защищать культурное разнообразие (например, языки меньшинств) и одновременно сосредоточивается на неравенстве в отношениях меньшинств с господствующими культурами [Джери Д., Джери Дж., 1999].

Основоположной идеей мультикультурализма считается “идея гармоничного сосуществования разнообразных культурных и этнических групп в плюралистическом обществе” [Todd, 2003: p. 244], а одной из форм его проявления является сознательное восприятие каждым членом общества своей принадлежности к определенным субкультурам, что закрепляет рамки культурной сегментации общества, поскольку индивид одновременно может быть включен в различные сегменты культуры [Социологическая энциклопедия, 2003: т. 2, с. 182].

В истории формирования социологической теории мультикультурализма современные исследователи выделяют несколько периодов [Куплика, 2001: p. 18–19; Липкин, 2011], связанных с важными изменениями в понимании теории и практики мультикультурализма. Такие изменения были подготовлены и спровоцированы, по определению французского исследователя Ронана Ле Коадика, “идентификационными волнами”, связанными с требованиями разных групп насчет признания их культурных особенностей [Коадик, 2010].

Так, первый период — дискуссии 1970-х годов, когда были заложены теоретические основы мультикультурализма, подготовлен первой “идентификационной волной” — этническим возрождением, или, по выражению Энтони Смита, подъемом этнонационализма [Smith, 1981]. Эта волна продолжалась с конца 1950-х до конца 1970-х годов и часто осмысливалась в терминах деколонизации. Ею были охвачены Канада (Квебек), США (движение афроамериканцев, латиноамериканцев), Западная Европа (движение басков, каталонцев, бретонцев, шотландцев, фламандцев и др.), некоторые страны Восточной Европы (Югославия, Румыния, Польша) и часть СССР [Коадик, 2010].

Для научного сообщества эта ситуация была связана с новым витком методологических дискуссий на фоне обновления плюралистической парадигмы. Потомки классического плюрализма призывали считать значимыми социальными субъектами только “вечные” (примордиальные) этнорасовые группы (М.Новак, М.Линд, Д.Исаакс). Идею мультикультурализма они воспринимали скептически, поскольку ассоциировали ее с разрушительным влиянием контркультуры.

Альтернативным методологическим направлением стал социальный конструктивизм. Его сторонники (П.Бергер, Т.Лукман, Э.Глазерсфельд, П.Вацлавик, Х.Фёрстер, Г.Гарфинкель, И.Гофман) рассматривали социальную деятельность как игру, “перфоманс”, а идентичность — как результат свободного “конструирования” собственной картины мира [Бергер, Лукман, 1995]. Такая позиция подталкивала к выводу о том, что мультикультурализм является характеристикой современного открытого общества, средством его дискурсивной, а не политической самоорганизации.

Промежуточное место в этой дискуссии заняли представители инструментализма (М.Гордон, Н.Глейзер, Д.Мойнихен, Д.Белл). Они разработали концепцию “нового” (структурного) плюрализма, доказывая, что только

прагматическое социально-политическое взаимодействие может вывести нацию из кризиса. Ключевой задачей инструменталисты считали формирование идеологии общенационального единства, способной сплотить любые группы и сообщества, не уничтожая их самобытность. Идея разработки общенациональной идеологии сблизила позиции инструменталистов с умеренным крылом примордиалистов (К.Гирц, Э.Шилз, Г.Исаакс, Д.Горвиц) и конструктивистов (П.Бергер, Н.Гудмен, К.Янг). Так сформировалось новое интеллектуальное движение, положившее начало “неоконсервативной волне”.

В либеральной традиции на фоне первой “идентификационной волны” по вопросу о правах национальных меньшинств также велись дебаты между либеральным большинством и коммунитаристским меньшинством, то есть, по Ч.Тейлору, между командой “Л” (Дж.Роллз, Р.Дворкин, Т.Нагель, Т.Сканлон) и командой “К” (М.Санделл, А.Макквинтайр, М.Волцер) [Тейлор, 1998]. И здесь главной идеей была идея приоритета индивидуальной свободы. Либералы, с одной стороны, настаивали на том, что индивиды свободны в выборе собственной концепции блага, и приветствовали освобождение индивидов от любого приписанного или унаследованного статуса. То есть либеральные индивидуалисты утверждали, что индивид морально первичен по отношению к общности. Коммунитаристы, с другой стороны, рассматривая людей в их специфических социальных ролях и отношениях, отстаивали принцип защиты прав меньшинств как социальных групп и выступали за поддержание баланса между свободой индивида и защитой общностей, формирующих государство, и пытались определить уровень, при котором защита одного может разрушить другое [Кумлиčka 2001: р. 18–19]. Для коммунитариста мультикультурализм — это правомерный способ защиты сообществ от разрушительных влияний индивидуальной автономии [Кимлика, 2010: с. 425–427].

Второй период эволюции идеи мультикультурализма — дискуссии 1980-х годов — связан со второй “идентификационной волной”, когда после второго нефтяного кризиса разразился экономический кризис, охвативший преимущественно иммигрантское население. Временная трудовая иммиграция, которая охватывала в основном мужчин, уступила место миграции на постоянное местожительство, касавшейся уже мужчин, женщин и детей. В ситуации замедления экономического роста и увеличения доли безработных иммигранты и их дети нередко становятся объектом дискриминации. Это подталкивает их к поиску поддержки внутри своей культуры в расчете на ресурсы, которых они не находят в обществе-реципиенте [Кoadик, 2010].

В упомянутый период возникает социально-политическая полемика по вопросам культурного разнообразия и субъектного права этнических сообществ. Ответы на эти вопросы формируют две основных теоретических альтернативы. Сторонники первой настаивают на “безразличии” или “нейтральности” в отношении культурного разнообразия. Их ключевой тезис состоит в том, что не существует никаких прав человека так называемого третьего поколения — в виде то ли коллективных прав культурных групп, то ли индивидуальных прав граждан на сохранение культурной идентичности [Прокофьев, 2006: с. 218]. Сохранение общности является делом самих ее членов, более или менее успешным в зависимости от способности аккумулировать средства и координировать усилия.

Авторы другой теоретической альтернативы полагают, что желающие вести образ жизни, свойственный их родной культуре, в условиях правовой системы, отражающей специфику другой культуры (культуры большинст-

ва), могут не рассчитывать на обязательную помощь со стороны общества в целом. Их трудности носят субъективный характер, поэтому они должны “заплатить” за преданность традициям, а не ждать поддержки со стороны.

Итак, детали воззрений теоретиков этого “либерального мультикультурализма” (Дж.Рац, Д.Миллер, Я.Ткамир, Дж.Спиннер, В.Кимлика и др.) различаются, но, как отмечает В.Кимлика, “каждый из нас по-своему доказывает, что есть жизненно важные интересы, связанные с культурой и идентичностью, полностью совместимые с либеральными принципами свободы и равенства и оправдывающие наделение меньшинства особыми правами... В целом язык и культуру, в которых вырастают люди, следует рассматривать как часть обстоятельств, которые они принимают как данность... Доступ к собственному языку и культуре иногда может быть предпосылкой способности совершать осознанный выбор... Важнейшей задачей, стоящей перед либеральными представителями мультикультурализма, является размежевание “плохих” прав меньшинств, которые предполагают ограничение индивидуальных прав, и “хороших” прав меньшинств, которые можно рассматривать как дополнительные индивидуальные права” [Кимлика, 2010: с. 429–431].

Третий период эволюции теории мультикультурализма является ответом на нациестроительство и “идентификационную волну” 1990-х годов. Ее суть заключается в утверждении, вопреки тенденции глобализации общества, существования явных различий и требований их публичного признания. Эти требования выдвигаются в периферийных регионах и от имени национальных меньшинств, которые защищают и развивают собственную культурную специфику, но особенно среди иммигрантов и их потомков. Последним кажется, что идентичность может быть, в широком смысле этого слова, средством консолидации категорий населения, ощущающих острое экономическое и социальное неравенство [Кoadик, 2010]. В этот период ученые активно дискусируют по поводу известной “этнокультурной нейтральности” демократических государств и происходит замена этой “модели ”нарочитого невнимания” “более точной моделью”, которая признает ключевую роль нациестроительства в либеральных демократиях. Государства участвуют в процессе “нациестроительства” — процессе поощрения общего языка, чувства общего членства в социальных институтах. Решение касательно официальных языков, основных элементов общеобразовательных программ и требований для получения гражданства — все это имеет целью распространить определенную культуру на все общество и развить определенную национальную идентичность, основанную на участии в этой социетальной культуре. То есть “вопрос теперь заключается не в том, как объяснить отклонения от нормы, нарочитое невнимание, а в том, создают ли усилия большинства в плане нациестроительства несправедливость для меньшинства? и если да, то могут ли права меньшинства помочь в защите от этих несправедливостей?” [Кимлика, 2010: с. 439–440].

На этот вопрос было предложено три ответа, на которых акцентирует внимание французский ученый Мишель Вевьёрка: политика ассимиляции, толерантность и признание; культурные права для меньшинств, при условии, что последние не бросают вызов всеобщим ценностям, правам и разуму [Вевьёрка, 2005: с. 21–22]. Мультикультурализм в узком значении относится к третьему ответу; согласно М.Вевьёрке, — “это публичная политика, определенная часть институтов, правовых и государственных (или местных) действий по обеспечению культурным различиям (по крайней мере некоторым из

них) признания в общественной сфере” [Вевьёрка, 2005: с. 24]. Родиной этого подхода прежде всего была Канада, а также Австралия и США.

В этот период развития теории мультикультурализма можно выделить три концептуальных направления, которые объединили ее сторонников.

Первое из них опиралось на представление о мультикультурном обществе как саморазвивающейся социальной системе, базирующейся на интенсивном информационном обмене. Как правило, такие синергетические модели мультикультурализма разрабатывались в рамках более общих “постсовременных” социальных теорий — сетевого и коммунитарного общества, “многоканального общества”, клиповой культуры (О.Тотфлер, Р.Инглехарт, М.Кастельс, А.Этциони, М.Волцер, К.Калхун).

Второе направление было связано с восприятием мультикультурализма как символа социальной и мировоззренческой независимости гендерных “меньшинств”. Данная интерпретация была широко представлена в публицистике, однако серьезных теоретических исследований не проводилось.

Третье направление создали представители либеральной и либертарной социальной философии (Д.Роулс, Р.Дворкин, Р.Нозик, Р.Порти). Общей чертой их работ была аргументация спонтанного, процессуального характера плюралистического социокультурного пространства и ведущей роли индивидуальности в его формировании.

Кстати, указанные выше интерпретации отнюдь не претендовали на роль мобилизационной политической идеологии и не были связаны с дискуссией о выборе стратегии национального развития. Поэтому в 1990-х годах мультикультурализм был раскритикован сторонниками “структурного плюрализма” (П.Бергер, К.Янг, К.Гирц, Э.Шиллз, Г.Исаакс), которые усматривали возможность реализации плюралистического идеала в формировании консервативной коммунитарной системы, способной превратить самобытность субкультур в фактор консолидации нации и ее доминантного развития.

Еще более непримиримую позицию отстаивали представители консервативного лагеря. Некоторые из них в той или иной мере признавали плюралистический характер современных наций (А.Шлезингер-мл., М.Линд, С.Хантингтон, Дж.О’Салливан, Р.Кирк). Однако любые признаки усиления в обществе группового сепаратизма и ослабления общенациональной системы ценностей они рассматривали как угрозу. Некоторые критики мультикультурализма даже поспешно провозгласили победу мультикультурализма, доказывая тем самым реальность приближения культурной катастрофы. Например, об угрозах современным западным обществам, связанных с практикой мультикультурализма, пишет американский политик и публицист Патрик Дж.Бьюкенен в книге “Смерть Запада”. С позиций автора, Америка, которая в течение столетий была “плавильным котлом”, переплавлявшим разные этнические субстраты в единую нацию, превращается в хаотическое сосредоточие народов, не имеющих ничего общего — ни истории, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. “Плавильный котел” превращается в “салатник”. Утрачивается культурное единство страны, в которой миллионы людей чувствуют себя чужаками [Бьюкенен, 2003].

Четвертый период эволюции теории мультикультурализма обусловлен процессом экономической, транспортной, информационной и демографической глобализации 2000-х годов. Этносоциальное пространство продолжает расслаиваться на многочисленные коллективистские сообщества — “группы”, “кластеры”, “коммьюнити”. Увеличение многообразия культур-

ных ролей и ценностных установок, спонтанный характер самоорганизации, феномен виртуального сетевого общения изменили характер гражданского общества. Для представителей этой новой социокультурной среды кризис идентичности перестал быть острой проблемой. Утратила определенное значение и национальная солидарность. Поэтому возрождение структурного плюрализма стало неминуемым. Однако в данный период существенно снижается интерес научного сообщества к мультикультурализму. Показательно, что малочисленные концептуальные исследования (например, Сейли Бенхабиб) осуществляются только в русле методологии конструктивизма, особенно в объяснении культурных различий, суть которого можно выразить в следующих положениях: 1) культура — это не “связный нарратив, который можно легко изложить” [Бенхабиб, 2003: с. 164], а совокупность конкурирующих нарративов, рамки которых динамичны и непостоянны; 2) субъектом политической, общественной жизни должна быть личность, а не культура, культурная или социальная группа; 3) принадлежность человека к культурным, религиозным, языковым и другим меньшинствам не должна основываться на притеснении прав большинства; 4) главной целью культурной политики в полиэтничном государстве должен быть диалог культур; 5) возможность межкультурного диалога обеспечивается универсализмом культур, который означает, что “всех людей — независимо от расы, пола, сексуальных предпочтений, этнического, культурного, языкового и религиозного начала — нужно считать равными в моральном отношении, а значит, относиться к ним как к имеющим в одинаковой мере право на моральное уважение” [Бенхабиб, 2003: с. 32]. То есть очевидна принципиальная разница между классическим культурным плюрализмом, структурным плюрализмом и мультикультурализмом.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что: во-первых, социологическая теория мультикультурализма является частью общей истории и теории социологии. В то же время совокупность разнообразных социологических концепций мультикультурализма, разработанных и сформированных в процессе исторического развития социологии, образует относительно автономную отрасль социологической теории, требующую дальнейшего развития. Поэтому теория мультикультурализма как особый вид социологической теории является одним из средств социологического анализа социальной реальности; во-вторых, в истории социологии (в части социологических концепций мультикультурализма) выделяются четыре периода дискуссий, спровоцированных “идентификационными волнами” разных культурных групп. Каждый из этих периодов имеет свою специфику и определяется рядом концепций, отражающих изменения в понимании теории и практики мультикультурализма, но не отрицающих наработок и достижений предшествующих дискуссий, а наоборот, уточняющих их содержание в соответствии с актуальными вызовами современного общества.

И наконец, целесообразно подчеркнуть, что теория мультикультурализма постоянно развивается, и на каждом последующем этапе происходит уточнение ее содержания.

Источники

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Бенхабиб С. ; пер. с англ. ; под ред. В.И. Иноземцева. — М. : Логос, 2003. — 350 с.

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада [Электронный ресурс] / Патрик Дж. Бьюкенен. — М. : АСТ, 2003. — Режим доступа : <http://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/>.

Вевьёрка М. Формирование различий / Мишель Вевьёрка // Социологические исследования. — 2005. — № 8. — С. 13–24.

Джери Д. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс] : в 2 т. / Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. Н.Н. Марчук. — М. : Вече : АСТ, 1999. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 528 с. — Режим доступа : <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/multiculturalizm>.

Кимлика У. Современная политическая философия: введение / Уильям Кимлика ; пер. с англ. С. Моисеева ; Гос. ун-т — Высш. шк. экономики. — М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. — 592 с. — (Политическая теория).

Куропятник А.И. Проблема идентичности в мультикультурных и полиэтнических обществах [Электронный ресурс] / А.И. Куропятник. — Режим доступа : www.twirpx.com/file/180539/.

Липкин А.И. Проблемы мультикультурных обществ. Межцивилизационный аспект в условиях глобализации [Электронный ресурс] / А.И. Липкин // От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Ч. 2 : Дилеммы мультикультурализма и национализма. — М., 2011. — Режим доступа : <http://do.gendocs.ru/docs/index-242073.html>.

Малахов В. Зачем России мультикультурализм? / Владимир Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. — С. 48–60.

Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э.А. Паин. — 2-е изд., доп. — М. : Новое изд-во, 2004. — 248 с.

Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность : социально-этические проблемы в философии морали / А.В. Прокофьев. — Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2006. — 277 с.

Ле Коадик Р. Мультикультурализм [Электронный ресурс] / Ронан Ле Коадик. — Режим доступа : <http://www.etnograf.ru/node/178>.

Социологическая энциклопедия : в 2 т. / В.Н. Иванов (гл. ред.) ; Нац. обществ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2003. — Т. 2 : Н–Я. — 863 с.

Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами [Электронный ресурс] / Чарльз Тейлор. — Режим доступа : kant.narod.ru/taylor.htm.

Canadian Multiculturalism Act R.S.C., 1985 [Electronic resource]. — Access mode : <http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/page-1.html>.

Glazer N. We are Multiculturalists Now / N. Glazer. — Harvard University Press, 1997. — 179 p.

Kymlicka W. Politics in vernacular: Nationalism, Multiculturalism and : Citizenship / Kymlicka W. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — 400 p.

Radtke F.-O. Multikulturalismus. Ein postmoderner Nachfahre des Nationalismus / F.-O. Radtke // Auslaender, Aussiedler, Asyl in der Bundesrepublik Deutschland I / (Hrsg) Bade K. — Hannover, 1994. — S. 175–178.

Smith Anthony D. The Ethnic Revival in the Modern World / Anthony D. Smith. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — 244 p.

Todd R. Multiculturalism [Electronic resource] / Roy Todd // Dictionary of Race and Ethnic Relations. — Fourth Edition by Ellis Cashmore. — London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2003. — P. 244–246. — Access mode : <http://bookre.org/reader?file=757954>.

Trudeau P. On Multiculturalism, October 8, 1971 [Electronic resource] / P. Trudeau // Canada History. — Access mode : <http://www.canadahistory.com/sections/documents/leaders/Trudeau/OnMulticulturalism.html>.